

ТЕОЦЕНТРИЗМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алексей Игоревич Овчинников^{1, 2}, Тимофей Анатольевич Фетисов³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, k_fr3@mail.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Донская духовная семинария, Ростов-на-Дону, Россия, donseminary@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается теоцентризм русской философии права – философии веры и нравственности. Выявляется значение целого ряда предпосылок отечественного стиля философско-правового мышления, показана роль православия не только в аксиологии русской философии права, но и в ее эпистемологических особенностях. Устанавливается роль иррационального начала в постижении основных проблем права и государства, раскрывается взаимосвязь понятий в контексте философско-правовых идей русских мыслителей: вера, правда, подвиг, аскеза, соборность, всеединство.

Ключевые слова: теоцентризм, правовая теология, политическая теология, христианская правовая культура, русская философия права, правопонимание

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

Для цитирования: Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Теоцентризм русской философии права: история и современность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 59–71. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-59-71>.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THEOCENTRISM OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW: HISTORY AND MODERNITY

Aleksey I. Ovchinnikov^{1, 2}, Timofey A. Fetisov³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, k_fr3@mail.ru

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Don Theological Seminary, Rostov-on-Don, Russia, donseminary@gmail.com

Abstract. The article examines the theocentrism of the Russian philosophy of law – the philosophy of faith and morality. The significance of a number of prerequisites for the Russian style of philosophical and legal thinking is revealed, the role of Orthodoxy is shown not only in the axiology of Russian philosophy of law, but also in its epistemological features. The role of the irrational principle in comprehending the main problems of law and the state is established, the relationship of concepts in the context of the philosophical and legal ideas of Russian thinkers is revealed: faith, truth, feat, asceticism, conciliarity, total unity.

Keywords: theocentrism, legal theology, political theology, Christian legal culture, Russian philosophy of law, legal thinking

Financial Support: The study was carried out with the financial support of the Russian Federation within the framework of the scientific project № 21-011-44228 “Law and legal consciousness in the theological dimension: history and modernity”.

For citation: Ovchinnikov A. I., Fetisov T. A. Theocentrism of Russian philosophy of law: history and modernity. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):59–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-59-71>.

Введение. Русская философия права традиционно воспринимается философией, насыщенной идеями философии христианской веры и идеалами нравственности, в этом ее самобытность и в этом ценность для мировой истории государственно-правовой мысли. Конец XIX – начало XX века подарил миру огромное количество новых имен замечательных мыслителей, сосредоточивших свое исследовательское внимание на проблемах духовно-нравственного характера, а также обосновании теократического или теоцентристского типа правового мышления: Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, П.Е. Казанский, М.В. Шахматов и т.д. Их труды крайне важны сегодня, когда так быстро разрушаются традиционные понятия и представления о правде, справедливости, добросовестности и других нравственно-правовых категориях русской философии права. Особенно важно обратить внимание на Христоцентризм их правового мышления и правосознания, так как современное общество все дальше отходит от евангельских ценностей, а современное право, между тем, является, в некотором смысле, результатом христианской проповеди и зависит от сохранения «духовных ценностей» в законодательстве и правоприменении. Конечно, никто из ученых сегодня всерьез не выступает и не рассчитывает на возрождение царской власти и самодержавия, но сохранение этих идеалов в народной памяти, а юридическая наука и история политических и правовых учений является частью народной памяти, позволяет соизмерять современное государственно-правовое строительство с сакральными образами святости и благочестия, неизменно положительно влияя на герменевтику права и правоприменительную деятельность.

Поправка к Конституции РФ вновь заострила споры о сочетании религиозных и светских представлений о государстве и праве. Показала насколько активной является реакция со стороны юридического сообщества на вплетение в текст нормативных актов важнейших для жизни любого человека понятий о вере в Бога, нравственности и высших смыслах: большинство правоведов не отрицает ее значимости. Обращение внимания на такое важное качество отечественной государственно-правовой мысли как теоцентризм, позволяет осознать органичность поправки о «вере в Бога» в российском конституционализме и частично восполнить тот урон, который понесла русская правовая культура со времен большевистского переворота 1917 г. в момент «воцарения» на место «царства Бога» «царства Хама».

Методология исследования. Методологической базой изучения теоцентристского философско-правового наследия в русской государственно-правовой мысли следует признать аксиологический, нормативно-институциональный, исторический и сравнительно-правовой подходы. Для того, чтобы оттенить своеобразные черты русского теократического идеала очень важно обратить внимание на иерархический ценностный порядок в государственно-правовых построениях

отечественных мыслителей, в том числе и отражение этой ценностной иерархии в законодательстве Российской империи. Сравнительно-правовой подход позволяет установить насколько иным, не универсальным, но самобытным и индивидуальным был идеал самодержавия, сформулированный русскими правоведом на почве синтеза православно-богословских идей еще византийских времен с идеями современной им философии права, историческим опытом русского народа, событиями в Западной Европе и доктриной государственного права.

Обзор литературы. В современной юридической литературе огромное количество статей посвящено истории русской философии права. В последние годы вышло несколько крупных монографий, среди которых особое место занимают книги Алексея Михайловича Величко «Византийская симфония» и «Исихазм в праве и политике». В его работах раскрываются глубинные истоки русского правопонимания и философии права, православно-христианские корни отечественной правовой культуры, показаны смысловые контуры права в сочинениях В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, С.Л. Франка, протоиерея Павла Флоренского, протоиерея Сергия Булгакова, К.Н. Леонтьева. Большое количество работ, посвященных религиозно-нравственным аспектам права и государства в контексте анализа консервативных философско-правовых воззрений издается такими авторами, как А.А. Васильев, Н.Ф. Медушевская, В.В. Сорокин, М.Б. Смолин и др. В их монографиях и статьях рассматриваются разнообразные аспекты православно-христианского правопонимания, сформировавшегося в России на протяжении последней тысячи лет и имеющего яркие самобытные начала в познании права. Между тем, теоцентристских исследований истории философии права в России не так и много, так как русские правоведы анализируются с позиций перспективы применения их идей в практике государственно-правового строительства постсоветской России, с позиции их консервативных правовых ценностей и идеалов, с точки зрения оптимальных форм государственного правления, но не с точки зрения богословия и теологии.

Теоцентризм в русской философии права имеет ярко выраженную конфессиональную принадлежность: это теоцентризм православно-христианского мировоззрения. Практически нет исследователей, которые бы оспорили общепринятую квалификацию русской философии права как философии православной веры, православной нравственности и права. Одухотворенной наукой о праве назвал русскую философию права современный философ А.А. Корольков [1, с. 5-7]. По справедливому суждению Ю.В. Сорокиной: «Русская философия права, впрочем, как и вся русская философия, опирается на христианско-православные методологические основания» [2, с. 149]. Рассмотрим, какие это основания, опираясь на методологические исследования русской культуры как современных философов и богословов, так и мыслителей прошлого.

Вера и разум в русском правовом мышлении

Если характерным признаком европейского способа мыслить следует признать спекулятивный, формально-логический рационализм, то русский способ мыслить право характеризуется ценностным рационализмом, объединяющим веру и разум. Русское национальное правовое мышление имеет ярко выраженный иррационалистический характер. Рационализм западного правового мышления выражается в том, что «сердце» и «рассудок» стали отдельными, и если логика ведет к отрицанию нравственных ценностей, то ради истины «холодный» рассудок не остановится ни перед чем. Как подчеркивает современный философ права

В.П. Малахов: «Западноевропейский рационализм имеет спекулятивный характер, содержит установку на отвлеченно-категориальное воспроизведение знаний о мире» [3, с. 234]. Такой рационализм ориентирован на достижение и поиск истины ради нее самой, но не ради смысла жизни, поиска и обретения себя человеком во Вселенной. В.П. Малахов обращает внимание и на такие качества европейской рациональности как «заземленность» и механистичность. Действительно, научная рациональность европейского мира «не знает» нравственных границ. Это не могло не сказаться на правовом мышлении, в котором секуляризация «прошлась» не только по религиозным, но и по нравственным основаниям права. Мораль и нравственность стали восприниматься в качестве автономной системы норм индивидуального долженствования. Не удивительно, что русские правоведы не могли не заметить этого разрушительного для права явления и результатом стал всплеск критики бездуховного правосознания. Работа П.И. Новгородцева «Кризис современного правосознания. Введение в философию права» посвящена описанию этого кризиса и обоснованию необходимости возрождения идей естественного права. Уже тогда осознали русские мыслители, что западная познавательная модель научного разума ведет человечество в тупик, обусловленный отбрасыванием нравственных оснований науки. Кроме того, ввиду господства социального атомизма и индивидуализма знания, добытые рассудочным мышлением, имеют отрывочный, неполноценный характер. Право и нравственность стали рассматриваться отдельно, сами по себе. Цельность разума была утрачена, что может восполнить именно православие. «Обретение этой цельности разума есть уже задача не только и не столько философская, сколько религиозно-аскетическая» – отмечает В.Н. Катасонов [4, с. 3-13]. Необходимо, чтобы познающий разум был в нравственном смысле чистым.

Здесь следует отметить правоту философско-правовых прогнозов русских консерваторов и славянофилов. Морально-нравственная сторона рациональности для славянофилов была одной из центральных исследовательских тем. Процесс критического анализа западного рационализма славянофилы осуществляли именно в контексте отрицания рассудочного познания, противостоящего целостному духу православного мирозерцания.

Вера в познании мира славянофилами рассматривалась в качестве важнейшего первоначала. Юрий Федорович Самарин обращал внимание на то, что научное мышление достигает полной силы только тогда, когда в единстве трудятся дух, воля, мысль и душа [5, с. 135]. Верующий разум или верующее мышление значительно превосходит мышление логико-понятийное, формально-логическое, отвлеченное, поэтому рациональное правовое государство не решит социальных противоречий. Русские философы права для достижения истины прибегают не столько к рассудочному познанию, сколько к познанию соборному, католическому, богословско-нравственному. В их концепции нет места разделению права и нравственности, общества и государства, моральных и юридических ценностей. Человек и социум не могут постигаться в отрыве друг от друга, требуется познавать их в интегративной целостности, взаимности.

Понятие «правда» в русской философии права: теологическое содержание

Русская философия права не ведает чисто формального, рассудочного отношения к праву и законам. Такое отношение близко к католической и протестантской правовой культуре, сформировавшейся на основе синтеза римского

права и схоластического богословия средневековых школ канонического права. Понятие правды соединяет в себе и духовное, и формально-юридическое, и нравственное, и познавательное отношение к поступку человека. При этом в данном понятии основой, базовым смыслом является идея подвига, то есть «сдвига» себя в сторону, так как поступок человека, построенный на мотиве защиты своего личного интереса прежде интереса ближнего, не воспринимается большинством русских людей как праведный поступок, как Правда.

Откуда в русской национальной культуре столь негативное и пренебрежительное отношение к личным, как говорится «шкурным» интересам? Где корни антииндивидуализма в русской философии права? Почему такого отношения нет в странах католической и протестантской культуры? Ответ очевиден: православно-христианское миропонимание, мироощущение, мировоззрение иное, чем западное. В нем подвиг, аскеза и самопожертвование являются необходимыми условиями стяжания Святого Духа, Благодати Божией, уподобления Иисусу Христу. Поэтому теоцентризм русской философии права с самого начала ее зарождения и до современных дней является самой главной ее характеристикой и особенностью.

Полезность и целесообразность никогда не были основными ориентирами правового мышления в России, особенно если они не ведут к правде. Правда не является чисто юридической категорией, «правда – это стремление к справедливости, к истинности человеческих отношений, к добру и совершенству. «Русская Правда» как юридический памятник, открытый В.Н. Татищевым и по истокам восходящий к древнейшей истории Руси, свидетельствует о глубине слияния в России юридических, нравственных и религиозных категорий» [1, с. 6-7].

Понятие «правды» является крайне важным и для характеристики самодержавия и русского монархического архетипа. М.В. Шахматов прямо отождествлял понятия «подвиг» и «самодержавие». Он полагал, что высшее проявление подвига человека есть подвиг любви, сострадания, и самопожертвования во имя Божие, ради ближнего своего. Этот подвиг является обязательным эталоном поведения для любого православного христианина. Тем более он считается высшей обязанностью государя, великого князя. Эта обязанность стала высшей еще во времена Византийской государственности, где в Синтагме Матфея Властаря выдвинуто требование к царю, чтобы он был «якоже неки подвигоположник» [6, с. 6]. Причем же тут правда? А вот какая связь между ними: подвиг как путь спасения есть не что иное, как закон Божий, правда святая. «Понятие о «правде» совмещает в себе множество наших понятий: сюда входят не только право в объективном и субъективном смысле слова, право положительное и идеальное, но и правда – справедливость и правда Божеская» [6, с. 14]. Жить подвигом, таким образом, для русского человека Киевской и Московской Руси, означает «жить по правде».

Из понятия «правды» новое прочтение получает и понятие «нравственности». Характерным является это прочтение для русского юриста-государствоведа Павла Евгеньевича Казанского, который под нравственностью понимал чисто христианскую любовь к ближнему. По его мнению, христианство показало миру, что развиваться можно только по пути любви к ближнему, что «жизнь для других» является единственным смыслом человеческой жизни, становится высшим, постоянно развивающимся благом, смыслом истории человечества и человека. «Нравственность альтруизма расширяется насчет нравственности эгоизма... Великое начало любви легло в основание христианской нравственности, которая требует, чтобы все люди были одинаково близки нам, без различия народности,

веры и проч. Жизнь для других способна к бесконечному развитию, и на этом пути человеку открыт путь бесконечного совершенствования» [7, с. 23–24]. Высшим нравственным законом, согласно П.Е. Казанскому, является жизнь для других.

Соборность как церковное единство

Общеизвестным результатом православно-христианского теоцентризма русской философии права следует признать идею соборности. Познание мира доступно только в процессе соборного мышления, благодаря акту творческого познавательного единства. Человек сам по себе мало может, но коллективный разум, объединенный любовью способен на многое. А.С. Хомяков полагал, что истина доступна только в случае совокупного множества мышлений, объединенных любовью. Отдельный человек не может претендовать на полное и цельное знание [8, с. 243]. Он в некотором смысле ущербен, и нравственно, в силу первородного греха и себялюбия, и интеллектуально.

Однако не стоит мыслить соборность в познании и социальной жизни как некое согласие в нравственных и иных вопросах. Это не популярная сегодня солидарность, а единство в Церкви Христовой. «Соборность у Хомякова, – подчеркивал прот. Георгий Флоровский, – есть отнюдь не человеческое понятие, а «Божественная характеристика Церкви» [9, с. 277].

С соборностью связана и идея цельного знания. Раскрывая свое понимание цельного знания, знаменитый русский философ В.С. Соловьев писал: «Цельное знание по определению своему не может иметь исключительно теоретического характера; оно должно отвечать всем потребностям человеческого духа, должно удовлетворять в своей сфере всем высшим стремлениям человека. Отделить теоретический или познавательный элемент от элемента нравственного или практического и от элемента художественного или эстетического можно было бы только в тех случаях, если бы дух человеческий разделялся на несколько самостоятельных существ, из которых одно было бы только волей, другое – только разумом, третье – только чувством. Но так как этого нет и быть не может, так как всегда и необходимо предмет нашего познания есть вместе с тем предмет нашей воли и чувства, то чисто теоретическое, отвлеченно научное знание всегда было и будет праздною выдумкой, субъективным призраком» [10, с. 229].

Идея цельного знания неразрывно связана с идеей соборности. Вот как ее видит С.Н. Трубецкой: «Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным. Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно лишь в этом живом, соборном сознании человечества» [11, с. 498]. Соборное сознание и соборное знание оказываются, таким образом, прологом к постижению сущности явлений. Именно оно является источником права в тех ситуациях, когда обычай и закон молчит.

В русской философии права совершенно закономерно подчеркивалась значимость обычного права ввиду его общественного, соборного происхождения. На его роль в правовом развитии России обращал внимание И.В. Киреевский: «Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, взошел в народные нравы и народный быт» [12, с. 205].

Обычай также был близок и в силу иррациональных корней его. «Обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех членов общества» – писал А.С. Хомяков [13, с. 667].

То же говорил и И.В. Киреевский, культурные корни обычного права проявляют себя в иррациональном характере его происхождения: обычай пронизан национально-культурными ценностями. «Право обычное, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического» [13, с. 204]. Впоследствии аналогичную идею определил и профессор Г.К. Гинс: «Нельзя произвольно изменять право, как это казалось сторонникам естественно-правовой школы» [14, с. 265]. Произвольность Г.К. Гинсом осуждается в силу спекулятивно-рационалистических аргументов сторонников модернизации в эпоху Нового времени и Просвещения.

Не случайно среди русских историков права, теоретиков права было крайне распространенным органическое правопонимание [15, с. 74–83]. Не только самобытность русской правовой культуры, но и склонность к единству с народом диктовали ученым необходимость обращения к истокам русского обычного права. Многие из них изучению крестьянского, народного права посвятили свою жизнь: Д.И. Мейер, Ф.Л. Морошкин, Н.И. Крылов, П.Г. Колмыков, В.Н. Лешков, М.М. Михайлов и др. создавая свою теорию права в связи с теорией нравственности Л.И. Петражицкий обратил внимание на юридические пословицы и поговорки народа, его язык и литературу, символы и образы в качестве источника правовых традиций.

Советы органам правосудия отражают ценности и идею соборности. «Будьте строги в суде общественного мнения: без этого не уберезетесь от постепенной порчи нравов. Но не давайте воли неразумным подозрениям и недоверию, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте. В суде же законном и уголовном будьте милосердны: помните, что в каждом преступлении есть большая или меньшая вина общества, мало оберегающего своих членов от первоначального соблазна или не заботящегося о христианском образовании их с ранних лет. Не казните преступника смертью. Он уже не может защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитного, христианину же грешно лишать человека возможности покаяться» [13, с. 336].

Западное христианство русские философы права не признавали как носителя идеи соборности. В католической церкви ее не может быть, так как единство там обеспечивалось четкой дисциплиной, иерархичностью, строгой подчиненностью Риму.

Не стоит полагать, что основными носителями идей теоцентризма в русской философии права XIX–XX вв. можно признать лишь мыслителей консервативного лагеря: славянофильско-почвеннического и консервативно-охранительного направлений. Теоцентризм как установку правового мышления разделяли и те ученые, которые не могут быть четко отнесены к указанным выше течениям в философии права, например, Б.Н. Чичерин или П.И. Новгородцев. Павел Иванович Новгородцев прямо указывал, что высшим источником права является Слово Божие и место, где «право и государство должны черпать свой дух, есть Закон Божий, закон любви» [16, с. 374]. Сугубо материально-рационалистический взгляд на право и государство ведет к катастрофе: «в упадке всех дел человеческих, опирающихся на желание добиться земного рая и обустроиться без Бога, только силой человеческого ума» [16, с. 375]. Между либерально настроенными русскими правоведами не было единства относительно понимания метафизических оснований естественного права. Но, как справедливо отмечает А.С. Куницын: «Несмотря на определенные различия в политико-правовых воззрениях, представители русской естественно-правовой мысли были единодушны в признании

того, что основу права составляют не произвольные установки людей, освященные авторитетом государственной власти, а известные абсолютные, божественные начала, вера в существование которых и составляет саму суть всех естественно-правовых концепций» [17, с. 92-101].

Однако несмотря на общий теоцентризм подходы к решению важнейших проблем общественной и государственной жизни серьезно различались у сторонников консервативных и либеральных идей. И среди консерваторов тоже не было единства по многим вопросам государственно-правового строительства. Например, между представителями славянофильства и консервативно-охранительным движением согласия не было: дискуссия относительно государственно-правового теоцентризма и самодержавия началась еще в период зарождения славянофильства. Спор возник относительно церковного статуса императора и его компетенции в делах религиозных.

Русская идея, достоинство личности и вера в Бога

Теоцентризм часто относят к плодам философского поиска В.С. Соловьева и его последователей. Именно теоцентризм является, по мнению профессоров К.Е. Сигалова и Н.Ф. Медушевской, характерной чертой «русской идеи». «Во второй половине XIX – начале XX века сложилась концепция «русской идеи», сформулированная В.С. Соловьевым, а потом Н.А. Бердяевым, воплощающая теоцентризм российской духовности» – полагают ученые [18, с. 11–14]. И с ними нельзя не согласиться. Возможна ли сегодня русская идея как основа идеологии российской государственности?

Ответ на этот вопрос коренится в обсуждении проблемы личного достоинства каждого человека. Дело в том, что существует устойчивый стереотип, будто русская культура антиперсоналистична в силу неких православно-христианских архетипов, в том числе соборности. Якобы идея прав человека, ценность достоинства личности, важность и значимость индивидуального личностного блага не получили развития в русской правовой культуре. Однако это всего лишь стереотип.

Более того, идея достоинства личности и является основой идеи соборности в том случае, если не отождествлять соборность и коллективизм. В коллективизме личность исчезает, растворяется за общими благами и интересами. Именно коллективизм лежит в основе сочинений Томаса Мора об острове Утопия или в «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы. В русской идеи соборности нет места конфликту между частным и общим, так как именно красота каждой человеческой личности составляет основу «единства в многообразии» соборной личности.

Здесь следует напомнить, что ценность достоинства каждой человеческой личности вне этнических, конфессиональных, социальных и иных различий возникло не на основе античной или ренессансной культуры, а внутри христианского мировоззрения, благодаря проповеди евангельских ценностей и благой вести о том, что «человек есть образ Божий». «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему (Быт 1, 26)». В языческих Афинах, в Древнем Риме и или Египте ни ко каком равенстве и достоинстве каждого человека и речи идти не могло. Жизнь рабов, чужеземцев, голос женщины, интересы бедняков или варваров вообще не имели никакой ценности. Весьма спорными, если не сказать ошибочными следует признать точку зрения В.В. Невинского, будто «идея достоинства человека, как особая критериальная общественная ценность, зародилась в античном мире. Она зародилась там и тогда, где и когда человек стал осмысливать собственное бытие в природе и в среде себе подобных существ» [19, с. 48–54].

Это совершенно не так, именно христианство дало человечеству идею равноправия каждой человеческой личности и абсолютную ценность каждой жизни для Бога, который есть Любовь. «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос (К Колоссянам послание ап. Павла, Глава 3, стих 8)» [20].

Так как основу русской идеи составляют заповеди Божии, среди которых заповедь любви является центральной, именно христианская любовь, не различающая людей по этническому или религиозному происхождению, и может и должна стать основой согласия. Такую русскую идею предлагал И. А. Ильин: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца... Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Главное, в жизни есть любовь, и именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию и уверовала, что “Бог есть Любовь”... В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века» [21].

Благодаря тому, что ядром русской идеи и сердцевиной идеи достоинства личности лежит одна и та же христианская ценность «любви к ближнему», возможно развитие нашего общества к соборности. Безусловно вне веры в Христа и основные истины христианской веры и религиозной философии идеи русской философии права не имеют никакой ценности. Бесполезно пытаться применить к текущему законодательству концепции русских философов права в формате рецептов решения каких-то отдельных проблем государственно-правового развития России, преодолеть, например, рост преступности, коррупцию, социальное неравенство и т.д. Безрелигиозному сознанию современного «одномерного человека» из общества потребления лучше подходит европейский способ мыслить, с его прагматическим рационализмом и рассудочностью.

Нельзя не согласиться с И.А. Ильиным: «Если русская философия хочет еще сказать что-нибудь значительное, верное и глубокое русскому народу и человечеству вообще, – после всех пережитых блужданий и крушений, – то она должна прежде всего спросить себя, в чем ее призвание, с каким предметом она имеет дело и каков ее верный путь (метод)? Она должна возжелать ясности, честности и жизненности. Она должна стать убедительным и драгоценным исследованием духа и духовности. Если же она не одумается, не перестанет подражать иностранным, и в особенности германским, образцам и не попытается начать свое русское национальное дело сначала, из глубины русского национального духовного опыта, то она скоро окажется мертвым и ненужным грузом в истории русской культуры...» [22, с. 362].

Идеи русской философии права и современность

Следует признать, что постмодерн невольно актуализирует понятие «веры», заставляет обратить внимание на иррациональные предпосылки правового мышления, на интуитивное право, на социокультурные основания права. Исходя из выводов постмодерна относительно природы юридического познания, следует признать правоту тех ученых, которые защищали идентичность отечественного правопонимания, национального правосознания, правовой культуры. Неизбежно

подчеркивается роль социокультурных правовых традиций в правовом мышлении – именно обращение на них внимания и представляет собой признак новой фазы постмодерна – *postpostmoderna*. Однако не стоит видеть в самобытности русской правовой культуры самоцель: «Наука права самобытного есть прямая и яркая бессмыслица, и разумное толкование о праве может основываться только на объявленных началах всемирного знания или верования, которые принимает такой-то или другой человек» [23, с. 92].

Самобытность русской философии права и правовой культуры потому важна для научного познания права, что цивилизационная традиция права определяет контекст правового мышления, бытия человека, весь механизм действия права, реализацию права. Важна она и потому, что обладает универсальной вселенской значимостью, так как основывается исконное русское правосознание на обладающих всеобщностью и общезначимостью православных идеалах соборности и любви к ближнему. Кстати, помогает это увидеть анализ права и правового бытия человека с позиции постмодернистской философской герменевтики, актуализирующей важность в коммуникативных процессах хотя бы доли смирения перед ближним, перед инаковостью бытия иного, подчеркивая значимость уважения к личности как основы истинного правосознания. Вот почему, думается, юридическая герменевтика, коммуникативный подход к праву, феноменологический анализ права близки к консервативной, христианской философии права, неважно русской, греческой или немецкой она является. Именно этим значима и достойна уважения и русская правовая идентичность: до 1917 г. на уважении к правовым традициям, обычаям «окраинных народов», на правовом плюрализме строилась имперская государственность. Герменевтика не означает невозможность трансляции и понимания иного, как справедливо отмечает А. В. Стомба в рецензии на коллективную монографию «Юридическая герменевтика в XXI веке» [24, с. 229]. Она предполагает уважение к правовой традиции любого народа, значимость ее для понимания правовых норм, ценностей, идей, иных правовых культур.

Постмодерн «разбил» иллюзии модерна относительно всемогущества научного разума, его значимости и важности для человечества в плане победы над социальными болезнями, пороками и настроениями. Он предложил выбор современному человечеству: или все дальше погружаться в пучину автономной этики, ничем не ограниченной свободы в выборе жизненных ценностей, или с покаянием «блудного сына» вернуться в отеческие объятия традиционной системы ценностей, переосмысленной как с учетом достижений модерна, которые отрицать невозможно, так и с учетом того нравственного падения, которого достигла современная секулярная западная культура, легализующая всевозможные виды порока. Россия стала на путь реципиента этой культуры, отставая пока только в легализации однополых браков и наркотиков. В остальном она, как говорится, «в тренде», не избежав «соблазна быть европейцами» (А. С. Хомяков). Остается только надеяться, что Россия не пойдет на поводу новой философской концепции «трансгуманизма», запустившей проект созидания нового человечества, конструирования постчеловека.

Следует вспомнить о забытом, но крайне важном для современной России, понятии «верующее мышление», которое разрабатывал И. В. Киреевский задолго до постмодернистской критики просвещенческого рационализма после изучения святоотеческих философско-богословских сочинений Исаака Сирина, Максима Исповедника, Григория Паламы и др. В них содержится много ценных для современного человека наблюдений относительно духовно-экзистенциальных, смысложизненных,

ценностно-мировоззренческих оснований бытия личности, антропологических знаний, важных психологических оценок внутренней жизни человека. Для юриспруденции было бы не лишним учитывать достижения этих мыслителей, особенно в анализе правосознания человека, природы правовых ценностей.

Постмодернистские установки правового мышления обнаруживают себя и в отечественных дискуссиях о праве, правопонимании. Однако, и в России следует признать появление новых идей, свидетельствующих о преодолении постмодернистских установок, возможно, даже вне рефлексии авторов новых идей: большинство отечественных правоведов в своих философско-правовых воззрениях не заметило и «проскочило» станцию Постмодерна. Данное положение подтверждается следующими признаками текущего юридического дискурса.

Во-первых, признанием неполноценности и односторонности рациональных методов исследования права, формально-догматического анализа. Прежде всего, обращает на себя внимание большое внимание правоведов к аксиологической грани права, что было практически табуировано неокантианцами, в частности, Г. Кельзенем, который писал о необходимости очищения правового мышления от ценностных рассуждений. Возникает вопрос: каковы аксиомы аксиологического анализа права, где находится критерий правильности в ценностных предпочтениях? Ответ коренится в национально-культурной матрице и духовно-нравственных основаниях национального правосознания, в самобытности национального правопонимания и правовой культуры – все чаще об этом пишут правоведы, признавая невозможность переноса на российскую почву западных правовых конструкций.

Во-вторых, все более явной становится переориентация правовой проблематики с изучения логико-методологических проблем на исследование смысло-жизненных, мировоззренческих основ правовой жизни общества. Это особенно явно прослеживается на росте интереса к государственно-правовым воззрениям юристов консервативного направления – славянофилам, почвенникам, евразийцам.

В-третьих, налицо в отечественной юриспруденции признание кризиса западного рационального типа правосознания и поиске выхода из кризиса через возврат на позиции ценностной рациональности. Российская элита давно осознала историческое и культурное своеобразие формирования и развития правовой системы России, не готовность ее народа к формально-рациональной легитимации права, столь популярной на Западе, идеократическую природу национального правосознания русского народа. Всемирный русский народный собор попытался выработать универсальную и пригодную для всех этносов России иерархию ценностей, но его идеи не получили, к сожалению, должного осмысления и освещения в юридической литературе.

Список источников

1. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997. 399с.
2. Сорокина Ю.В. Введение в философию права. М.: Норма, 2008. 336с.
3. Малахов В.П. Концепция философии права: науч. издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 751 с.
4. Катасонов В.Н. Святая Русь и русская философия // Культурное наследие России. № 2. 2018. С. 3-13.
5. Самарин Ю.Ф. Сочинения в 3 т. 1877. Т. 2: Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года / [авт. предисл. Д. Самарин]. - 1878. - XI, [2], 445 с.
6. Шахматов М.В. Подвиг власти. Опыт по истории государственных идеалов России // Государство правды. М.: Издательство «ФонДИВ», 2008. 312 с.

7. Казанский П.Е. Право и нравственность как явления всемирной культуры. СПб. Издательство: Тип. т-ва "Обществ. польза". 1902. 112 с.

8. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова . - Москва : типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900-1914 . Т. 5: Записки о всемирной истории : В прил. сравнение русских слов с санскритскими. Ч. 1. - Изд-е 4-е. - 1904. - XXIV, 533 с.

9. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.

10. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 822 с.

11. Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. 816 с.

12. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 445 с.

13. Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 784 с.

14. Право и культура / Гинс Г.К.; Науч. ред.: Баранов В.М. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.

15. Акчурина Н.В. Идея органического развития в русском правоведении XIX века // Правоведение. 2000. № 3. С. 74–83.

16. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 367–386.

17. Куницын А.С. Вопросы методологии научных исследований в российской юридической классике // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 92–101.

18. Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Формирование российского гражданского общества: исторический и социокультурный факторы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 11–14.

19. Невинский В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.

20. Послание к Колоссянам святого апостола Павла // URL:

<https://days.pravoslavie.ru/bible/zkol3411.html>

21. Ильин И. А. О русской идее // URL: <https://pravoslavie.ru/367.html>

22. Ильин И.А. Путь к очевидности: («О сопротивлении злу силою», «Путь духовного обновления», «Путь к очевидности»): [сборник] / составление П.В. Алексеева и В.И. Кураева, послесловие В.И. Кураева, примечания Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. 431 с.

23. Хомяков А.С. О старом и новом : Статьи и очерки. [под общ. ред. Г.М. Фридендера]. М.: Современник, 1988. 461 с.

24. Стомба А. В. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно. Рецензия на коллективную монографию.: «Юридическая герменевтика в XXI веке: монография» / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб., Алетейа, 2016. 440 с. // Правоведение. 2016. № 6. С. 229-230.

References

1. Korolkov A. A. Inspired science of law. In: *Russian philosophy of law: philosophy of faith and morality. Anthology*. St. Petersburg; 1997. 399 p. (In Russ.)

2. Sorokina Yu. V. Introduction to the philosophy of law. Moscow: Norma; 2008. 336 p. (In Russ.)

3. Malakhov V. P. *Concept of philosophy of law*. Moscow: UNITY-DANA; 2007. 751 p. (In Russ.)

4. Katasonov V. N. Holy Russia and Russian Philosophy. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia*. 2018;(2):3-13. (In Russ.)

5. Samarin Yu. F. Works in 3 vols. 1877. Т. 2: *Peasant business to the highest rescript on November 20, 1857*. [author. Preface. D. Samarin]. 1878. - XI, [2], 445 p. (In Russ.)

6. Chess M. V. Feat of power. Experience on the history of state ideals of Russia. In: *State of truth*. Moscow: Fondiv Publishing House; 2008. 312 p. (In Russ.)

7. Kazan P. E. *Law and morality as phenomena of world culture*. St. Petersburg; 1902. 112 p. (In Russ.)

8. Complete works of Alexei Stepanovich Khomyakov. - Moscow: tiplit. t-va I.N. Kushnerev and K °, 1900-1914. T. 5: *Notes on world history: Attached is a comparison of Russian words with Sanskrit words. Part 1.* - Ed-e 4th. 1904. - XXIV, 533 p. (In Russ.)
9. Prot. George Florovsky. *Ways of Russian theology.* Vilnius; 1991. 599 p. (In Russ.)
10. Soloviev V. S. Works in 2 vol. T. 2. Moscow: Thought; 1988. 822 p. (In Russ.)
11. Trubetskoy S.N. *Essays.* Moscow; 1994. 816 p. (In Russ.)
12. Kireevsky I. V. On the nature of the enlightenment of Europe and its attitude to the enlightenment of Russia. In: Kireevsky I.V. *Spiritual foundations of Russian life.* Moscow: Institute of Russian Civilization; 2007. 445 p. (In Russ.)
13. Khomyakov A. S. *The World Task of Russia.* Moscow; 2011. 784 p. (In Russ.)
14. Law and Culture/Gins G.K.; Scientific. ed.: Baranov V. Moscow: Yurlitinform; 2012. 320 p. (In Russ.)
15. Akchurina N. V. The idea of organic development in Russian law of the XIX century. *Pravovedenie.* 2000;(3):74-83. (In Russ.)
16. Novgorodtsev P. I. On the peculiar elements of the Russian philosophy of law. In: Novgorodtsev P. I. *Essays.* Moscow; 1995:367-386. (In Russ.)
17. Kunitsyn A.S. Issues of methodology of scientific research in Russian legal classics. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law.* 2011;(12):92-101. (In Russ.)
18. Medushevskaya N. F., Sigalov K. E. Formation of Russian civil society: historical and sociocultural factors. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad.* 2015;(4):11-14. (In Russ.)
19. Nevinsky V. V. Constitution of the Russian Federation and human dignity (recollection of the future). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law.* 2013;(11):48-54. (In Russ.)
20. *Epistle to the Colossians of the Holy Apostle Paul.* Available from: <https://days.pravoslavie.ru/bible/zkol3411.html> (In Russ.)
21. Ilyin I. A. *On the Russian idea.* Available from: <https://pravoslavie.ru/367.html> (In Russ.)
22. Ilyin I.A. *The path to obvious: ("On Resistance to Evil by Force," "The Path of Spiritual Renewal," "The Path to Obvious").* In: collection: Compilation by P.V. Alekseev and V.I. Kuraev, afterword by V.I. Kuraev, notes by R.K. Medvedev. Moscow: Republic; 1993. 431 p. (In Russ.)
23. Khomyakov A. S. *About the old and new: Articles and essays.* Friedlander G.M. (ed.). Moscow: Sovremennik; 1988. 461 p. (In Russ.)
24. Stovba A. V. The devil plays us when we do not think for sure. Review of the collective monograph.: "Legal hermeneutics in the 21st century: monograph " /under the general ed. E. N. Tonkova, Yu. Yu. Vetyutneva. St. Petersburg: Aletea; 2016. 440 p. *Pravovedenie.* 2016;(6):229-230. (In Russ.)

Информация об авторах

А. И. Овчинников – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ; профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС.
Т. А. Фетисов – протоиерей – кандидат богословия, ректор Донской духовой семинарии.

Information about the authors

A. I. Ovchinnikov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law; Professor of the Department of Theory and History of Law and State.
T. A. Fetisov – Archpriest – Candidate of Theology, Rector of the Don Theological Seminary.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted 30.08.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 15.09.2021.